

жат своеобразные, порожаемые архаическими формами мышления доземледельческой стадии представления о пространстве и времени, что этими же особенностями сознания древнейшей стадии объясняется отсутствие причинно-следственных связей, описаний и т. д.

Однако наряду с сохранением сюжетно-композиционных принципов в сказках всех народов мира мы наблюдаем и те элементы, которые сообщают им разнообразие и своеобразие.

Последовавшее за доземледельческим периодом развитие жизни, культуры и миросозерцания народов проявлялись в образах персонажей сказки, в окружающей их обстановке и стиле повествования. Появлялись элементы описания, мотивировки действия. Многие из тех изменений, которые автор книги наблюдает на материале русской сказки в XIX—XX в., могли возникнуть и возникали и раньше, разумеется, в соответствии с характером той или иной эпохи.

Ими-то и определяется то национальное своеобразие сказок разных народов, которое возникало в период феодализма и привлекало позднее деятелей искусства эпохи романтизма (златоверхие терема, дворцы, замки, цари, короли, черты местной природы в сказках европейских и восточных, северных и южных). Можно ли называть весь этот вполне закономерный для исторической жизни волшебной сказки (в устах всех народов) процесс изменения образов деградацией? Думается, что нет; правильнее называть его закономерной, исторически обусловленной трансформацией, в результате которой сказки каждого периода имеют свое лицо, а записи, сделанные через значительный промежуток времени от разных лиц, не идентичны.

Еще большие различия будут наблюдаться в стиле сказки, если его исследовать в исторической перспективе, пользуясь сравнительным методом. Вероятно, можно будет признать исторически закономерной трансформацией, а не «деградацией» и те изменения в способе передачи сюжета, которые наблюдала автор рецензируемой книги, анализируя записи последнего столетия.

Если утверждать положение о давней «деградации» сказки, возникают, естественно, и другие вопросы: как могла архаическая форма, созданная на основе примитивных форм человеческого мышления, в дальнейшем медленно затухавшая, привлечь внимание выдающихся мастеров искусств: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. Н. Толстого, А. М. Горького, Гайка Христиана Андерсена и др., как могла просуществовать она в народной традиции до наших дней, вызывая живое сочувствие слушателей и рассказчиков, пользоваться популярностью в тяжелых фронтовых условиях Великой Отечественной войны? Что позволяло ей жить и быть одним из любимых жанров народной поэзии? Решение всех этих вопросов не под силу одному исследователю. Но разрешение их необходимо, и может быть не только для сказки, но и для некоторых других жанров фольклора.

В том же, что вопросы эти возникают при чтении книги «Судьбы русской сказки» — можно видеть еще одну заслугу ее автора.

И. Колесническая

В. Г. Ларькина. Орочи. М., 1964, 174 стр.

Работа В. Г. Ларькина «Орочи», вышедшая в издательстве «Наука», посвящена одному из самых малочисленных народов Севера нашей страны, живущему на Дальнем Востоке, недалеко от города Советская Гавань.

Преобразования в культуре и быте народов Севера, происшедшие в годы Советской власти, свидетельствуют об огромных возможностях, которые предоставляет советская государственная система для развития всех — больших и малых — наций и народов. Показ этих преобразований — задача современной этнографической науки. В последние годы опубликовано несколько работ, посвященных отдельным вопросам этнографии народов Севера¹.

В. Г. Ларькин поставил своей целью проследить изменения в хозяйстве, быте и культуре орочей с середины XIX в. до настоящего времени. Задача чрезвычайно акту-

¹ См., например, «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LVI, М., 1960; «Сибирский этнографический сборник», IV, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXVIII, М., 1962; «Сибирский этнографический сборник», V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, Л., 1965, и др.

альная: ведь о жизни орочей опубликована (не считая отдельных статей) лишь одна книга (автор В. П. Маргаритов, 1888 г.)².

Основным источником для написания работы В. Г. Ларькину послужили его полевые материалы (1956—1960 гг.). Он не только обследовал все современные районы расселения орочей, но и сам принимал участие в некоторых видах их хозяйственной деятельности (охоте, рыболовстве). Это дало ему возможность тщательно изучить жизнь и быт народа.

К сожалению, небольшой объем рецензируемой работы не позволил В. Г. Ларькину дать глубокое исследование проблем истории, этногенеза, материальной и духовной жизни народа. Материал в некоторых разделах дается бегло, без должного анализа.

Работа делится на две неравные по объему части: первая (120 страниц, главы: «Исторический очерк», «Хозяйство и материальная культура орочей», «Общественная и духовная жизнь орочей») посвящена описанию традиционной культуры орочей до Великой Октябрьской социалистической революции; вторая (50 страниц, главы: «Социалистическое строительство у орочей», «Современное хозяйство и материальная культура орочей») рассказывает об их жизни в годы Советской власти.

В главе первой — два раздела. В первом — «Из истории этнографического изучения орочей» автор дает обзор работ о них, вышедших на русском и западно-европейских языках. К сожалению, он не называет здесь подробное этнографическое описание орочей, сделанное французским мореплавателем Лаперузом, — первым европейцем, столкнувшимся с этим народом в XVIII в. Между тем, его труд и сейчас представляет большой интерес. Совсем не упомянуто также этнографическое описание орочей, относящееся к самому последнему времени: речь идет о главе «Орочи» в томе «Народы Сибири»³. Во втором разделе первой главы — «Общие сведения об орочах» говорится об их расселении, численности, самоназвании. Орочи в XIX в. жили по рекам, впадающим в Японское море, в бассейне р. Тумнин; на р. Хунгари и по рекам, впадающим в озеро Кизи. Лишь к концу XIX в. они стали с озера Кизи переселяться на Амур. Отметим, что селения орочей в бассейне Амура были расположены близ устья озера Кизи и несколько выше по течению Амура, а не ниже (до Богородска), как указывает автор (стр. 16).

«Самоназвание орочей (нани)... не закрепилось за орочами, — пишет В. Г. Ларькин, — и сейчас ими почти совершенно забыто» (стр. 14). И далее он сообщает, что термин «орочи» был введен в литературу Лаперузом (только в этой связи и упомянуто имя Лаперуза) и объясняется из тунгусо-маньчжурского названия домашнего оленя «оро». Эти данные автором никак не комментируются. Считает ли он правильным это название? Значит ли оно, что орочи, по крайней мере в XVIII в., занимались оленеводством? Каково же самоназвание орочей в настоящее время? Все эти важные вопросы, связанные с историей народа, остаются неосвещенными.

Численности орочей В. Г. Ларькин уделяет большое внимание (стр. 17—23). Он анализирует материалы переписей 1897 и 1926 гг., указывает, что С. Патканов при работе материалов переписи ошибочно некоторые ульские роды отнес к орочам, а некоторые ороческие — к ульчам. По данным С. Патканова, всех орочей в 1897 г. насчитывалось 558 человек. По уточненным данным Ларькина орочей в 1897 г. было 551 человек. С. Патканов отнес к ульчам роды Сенкиан, Моуданча. Думается, это не случайно: в конце XIX в. некоторые орочи стали подвергаться интенсивной ассимиляции со стороны своих соседей⁴. Автор и сам пишет, что значительная часть амурской группы к концу XIX в. утратила свой родной язык и перешла на ульчский (стр. 16). Тем не менее дальше В. Г. Ларькин говорит, что переписью 1926 г., проведенной более обстоятельно, было зафиксировано 406 орочей, живущих по морскому берегу и впадающим в море рекам, 153 — на Амуре и 72 — на Хунгари. Автору следовало бы отметить, что амурские орочи (153 человека) к этому времени были уже почти полностью ассимилированы ульчами⁵. Данные переписи 1959 г. В. Г. Ларькин никак не комментирует. Между тем поражает рост численности орочей. Если предыдущие переписи определяли численность их в пределах 400—500 человек, то перепись 1959 г. указывает 779 человек⁶. Автору надо было бы пояснить, что из этих 779 — только 465 человек — орочи Хабаровского края (их-то и изучал В. Г. Ларькин — см. стр. 157—159), а остальные — эвены — оленеводы Магаданской области, называющие себя орочами (134 человека), и эвенки «орочоны», живущие в разных областях Сибири (180 человек).

² В. П. Маргаритов, Об орочах Императорской гавани, Владивосток, СПб., 1888.

³ «Народы Сибири» (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1956.

⁴ А. В. Смольяк, Состав, происхождение и расселение ульчских родов, «Сибирский этнографический сборник», V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963, стр. 158—160.

⁵ А. М. Золотарев, Амурские орочи, «Советский Север», 1934, № 6.

⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения РСФСР. 1959», М., 1963, стр. 302.

В первой главе, несмотря на ее название «Исторический очерк», мало сведений по истории орочей; в ней не говорится об их происхождении, взаимоотношениях с нанайцами, ульчами, удэгейцами, русскими — жизнь орочей показана чрезвычайно оторванной от жизни соседних народов.

Во второй главе — «Хозяйство и материальная культура» дается обстоятельная характеристика хозяйства (охоты, рыболовства) и материальной культуры. Глава хорошо иллюстрирована. При описании охотничьих ловушек автор приводит свыше 20 различных терминов — названия их отдельных частей. Аналогичный и весьма ценный материал (около 50 терминов) приводится при описании построек. В целом глава заслуживает положительной оценки.

Отметим лишь некоторые имеющиеся в ней неточности. Так, автор считает, что орудия охоты орочей по названиям тождественны орудиям соседних народов: удэгейцев, нанайцев, ульчей (стр. 25, 26), что неверно в отношении амурских нанайцев и ульчей. Например, В. Г. Ларькин приводит название ороцкого простого лука — *бейю*, но ульчское и нанайское (на Амуре) название — *бури*; настороженная петля по-орочски — *хукку*, а по-ульчски — *пуча*, по нанайски — *пойка*; ороцкие названия частей самострела — *саламука*, *семучани*, названия ловушек *сипиктока*, *касока* (стр. 31) отсутствуют в ульчском и нанайском языках; по В. Г. Ларькину *дэнгу* и *усули* — ороцкие названия соболя и выдры (стр. 26), тогда как в действительности это названия окончаний самострела, применявшихся орочами при охоте на соболя и выдру. Заметим, что тут же соболю и выдре почему-то противопоставлены диким животным. Неверно указаны сроки промысла; на стр. 25 говорится: «охотничий промысловый сезон начинался с октября и продолжался до марта». Автор должен был тут же добавить, что речь идет о сроках охоты на пушного зверя. Но им не отмечено, что орочи охотились так же летом и осенью на лося, медведя и других крупных животных.

В. Г. Ларькин пишет: «На скатывающуюся в море рыбу (форель, голец, весеннюю кету, горбушу) орочи устраивали ловушки *укки* на перекатах» (стр. 32). Но ранней весной в море скатываются мальки кеты и горбуши; их, естественно, никогда не ловили; взрослая рыба этих пород не «скатывается», а поднимается вверх по течению летом и осенью, ее-то и промыслили орочи. Тут же, на стр. 32 описанную ставную сеть автор назвал неводом.

В. Г. Ларькин не показал различий в верхней одежде мужчин и женщин; имеются неточности при описании головных уборов и др.

Материальную культуру орочей автор рисует очень однородной. В действительности, в культуре разных, подчас обособленных групп орочей, живших по обширной территории (р. Хунгари, р. Коппи и др.), была своя специфика, определяемая особенностями природных условий. Они влияли на методы охоты и рыболовства, на одежду, обувь, транспортные средства. Автору нужно было сказать, у какой группы записана та или иная приводимая им терминология, ибо различия в диалектах коппинских, хунгарийских и тумнинских орочей велики.

В третьей главе — «Общественная и духовная жизнь орочей» автор рассматривает общественный строй орочей и приводит оригинальные материалы об их родовом составе, легенды о происхождении некоторых родов (от камней, от огнива, от птиц — филина, коршуна, кукушки, от рыб и т. п.). К сожалению, эти легенды в работе не анализируются.

Неправильно оцениваются некоторые явления общественной жизни: так, автор сообщает, что объединения родов у орочей — «доха» — налагали определенные обязательства на объединившихся: они должны были вместе ловить рыбу, охотиться, проводить совместно судебные заседания и т. п. «Замена кровнородственных связей территориальными сделали „доха“ до некоторой степени экономической единицей» (стр. 76). В действительности дело обстояло как раз наоборот: длительное объединение на период промысла, совместное проживание на одной территории вели к взаимным бракам и последующим объединениям, которые уже определяли различные обязанности (например, помощь друг другу в выплате калыма и т. п.).

Мало места уделено исследованию экономического положения орочей. Автор не дает анализа рода как экономической ячейки общества, поэтому его положение на стр. 83: «с разложением рода у орочей все более и более возрастала роль семьи. В частную собственность семьи перешло все недвижимое имущество (жилые и хозяйственные постройки), средства передвижения — лодки, нарты, лыжи, орудия охоты и рыболовства» — звучит декларативно: он не показал, что прежде все это находилось во владении рода.

Рассказывая о семейном быте и брачных отношениях, автор не упомянул о многоженстве, ранних браках.

В разделе «Шаманство орочей» дано неверное объяснение происхождения и роли шаманства: «Наличие юбки в комплексе шаманских атрибутов позволяет предположить, — пишет В. Г. Ларькин, — что в эпоху матриархата в шаманстве главную роль играла женщина. Поэтому в более позднее время шаманы стремились хотя бы по наличию отдельных элементов поддерживать связь с духами древних шаманок» (стр. 102). Но ведь женщины в прошлом на Нижнем Амуре и в Приморье не носили

юбок. Эвенкийские женщины также не знали их. Судя по историческим хроникам, на территории Северной Маньчжурии в первых веках нашей эры юбки носили мужчины⁷.

Большую ценность представляют сведения о народном календаре, единицах измерения длины, о народной медицине, свидетельствующие о наблюдательности орочей, прекрасном знании ими окружающего мира.

В кратком заключении (стр. 65) по первой части книги, которое, кстати, лучше было бы поместить в конце 3-й главы (а не 2-й, как это сделано автором), следовало бы сказать о большом прогрессивном значении для коренных жителей включения Дальнего Востока в состав России, о положительном влиянии на орочей контактов с русским трудовым населением до революции.

Имеются недостатки в расположении материала: так, о расселении орочей говорится на стр. 15—16, а карта расселения дана лишь на стр. 26. На стр. 18 текст не увязан с таблицами, помещенными на стр. 19, 20.

Вторая часть книги, рассказывающая о жизни орочей в годы Советской власти, состоит из двух глав и заключения. Первая глава «Социалистическое строительство у орочей» представляет большой интерес. В ней говорится о создании у орочей кооперативов, колхозов, о культурном строительстве, а также о жизни орочей в годы Великой Отечественной войны. На конкретном материале автор показывает, какое большое внимание уделялось советскими органами власти орочам, поднятию их экономики, культурного уровня, различным формам работы в этом направлении.

Отметим некоторые недостатки главы. В. Г. Ларькин несколько раз называет орочей «полукочевниками» (стр. 140, 141), говорит о «переводе орочей на оседлость» в 1920-х—1930-х гг. (стр. 117, 118, 138); сообщает, что по «Уставу об инородцах» 1882 г. орочи были отнесены к разряду «бродячих». Но административные деятели XIX в. плохо разбирались в вопросах быта коренного населения. «Бродячими» можно называть народы, которые, не имея постоянных жилищ и селений, передвигаются по тайге вместе со своими семьями, промысляя зверя. У орочей же в XIX в. были постоянные селения и постоянные жилища, где оставались семьи в тот период, когда охотники уходили на промысел. Некоторые селения орочей существовали в течение многих десятилетий, следовательно орочей нельзя рассматривать как «бродячий» или «полукочевой» народ. В 1920-х—1930-х гг. происходил процесс не «перевода на оседлость», а стягивания орочей из мелких таежных стойбищ в более крупные, где создавались кооперативы, школы и т. д.

В разделе «Культурное строительство» (этой же главы) автор говорит о мероприятиях, проводившихся советскими и партийными органами для приобщения орочей к социалистической культуре, об огромной помощи в этом русского населения. Тут много официальных материалов, взятых из архивов — подробные отчеты о работе медицинских отрядов (на нескольких страницах описана их деятельность), школ. Все эти данные очень интересны, но хотелось бы видеть здесь и более подробные материалы о том, как сами орочи относились к нововведениям, как перестраивалось их сознание, как относились они к переселениям, к новым отраслям хозяйства, вообще — к новой жизни во всех ее проявлениях.

В. Г. Ларькин уделяет мало внимания взаимоотношениям орочей с соседними народами. Следовало бы сказать, что в колхозе «Ороч» вместе с орочами работали эвенки, державшие прежде оленей, а затем передавшие их в колхоз. Это тем более необходимо было сделать, что на стр. 143—144 в числе «30 сынов ороцкого народа», участвовавших в Великой Отечественной войне, упоминаются и эвенки, в частности Кирилл Батум, о подвигах которого писал И. Эренбург.

Во второй главе второй части книги — «Современное хозяйство и материальная культура орочей» описывается комплексное хозяйство колхоза «Ороч», характеризуются его экономика. Автор рассказывает о старых и современных селениях и жилищах, новых механизированных средствах передвижения, одежде, пище. Структурно из этой главы выпадают разделы «Семейно-брачные отношения» и «Развитие культуры» — эти темы надо было выделить в отдельную главу, как это сделано в первой части работы.

Признавая большую познавательную ценность всех приведенных автором материалов о современной жизни орочей, отметим, что читатель вправе ожидать более детального описания хозяйства артели «Ороч». Современная одежда орочей описана слишком поверхностно, — нет характеристики женской летней повседневной (рабочей и домашней), а также праздничной одежды, зимней женской и повседневной зимней мужской одежды, детской одежды.

В разделе «Семейно-брачные отношения» В. Г. Ларькин говорит о численном составе ороцких семей, о новых взаимоотношениях в семье, связанных с возросшей экономической ролью женщины. Интересны приводимые здесь биографии женщин, новые методы воспитания детей, появившиеся уже в советское время, материалы о смешанных браках.

⁷ И. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М., 1950, стр. 24 и др.

Отметим небрежность, допущенную автором при анализе цифрового материала. Он пишет: «...большинство ороческих семей по своему составу колеблется от одного до девяти человек» (стр. 157). Что же все-таки представляет собою «большинство» семей? Из приводимых на стр. 157 цифровых данных явствует, что автор рассматривает 94 ороческих семьи плюс 12 семей одиночек. И далее говорится: «73 семьи состоят из представителей двух поколений, т. е. родителей и их детей, и 33 семьи — из трех поколений». А эти 12 семей «одинок»? Они ведь тоже в числе 106 семей; что же автор включил их в семьи из двух или трех поколений?

Хотелось бы видеть более глубокую оценку такого все еще распространенного явления, как левират; определение: «левират — это позорное явление прошлого» (стр. 159) — не удовлетворяет.

В разделе «Развитие культуры» подробно говорится об Усуйкинской восьмилетней школе, о создании национальной интеллигенции — учителей этой школы, врачей и др. К сожалению, автор не рассказывает здесь о состоянии современного традиционного прикладного искусства, фольклора, о развитии художественной самодеятельности, о духовном облике современной ороческой молодежи.

В «Заключении» автор говорит о грандиозных переменах, происшедших в жизни орочей за годы советской власти. Даже самые малочисленные народы в Советской стране, благодаря осуществлению ленинской национальной политики, получают все возможности для всестороннего развития.

В целом, выход работы «Орочи» — весьма отрадное явление. Несмотря на отдельные недостатки, книга, несомненно, дает представление о жизни орочей в прошлом и настоящем.

А. Смоляк

А. И. Уланов. *Бурятский героический эпос*. Улан-Удэ, 1963, 320 стр.

Работа А. И. Уланова — серьезное исследование бурятского героического эпоса, основанное на большом фактическом материале и содержащее немало интересных наблюдений, замечаний и выводов. Хочется прежде всего отметить правильную в методологическом отношении постановку вопросов об эпосе. Подходя к эпосу исторически, исследователь видит в нем различные напластования, которые характеризуют его развитие на разных этапах истории.

Отвечая на вопрос, какие конкретно-исторические условия породили у бурят обилие улигеров, Уланов справедливо обращается к истории древних жителей Прибайкалья и Центральной Азии — хуннов, тюрков, курыканов, киданей, монголов и других. Взаимное влияние культур народов Сибири и Центральной Азии чувствуется, по его мнению, в древнейшем ядре эпоса бурят, калмыков, монголов, алтайцев, хакасов и якутов. В эпосе всех этих народов много общего — в мифах о тэнгрях (небожителях), в характере отражения охотничьего и скотоводческого образа жизни, в поэтике и т. д. Но много, конечно, и различий, так как каждый народ прошел свой неповторимый путь развития.

Рассмотрению исторических предпосылок возникновения у бурят эпоса посвящена первая глава. В последующих трех главах убедительно показано отражение в эпосе различных элементов культуры: орудий труда, вооружения и др., а также представлений и взглядов — религиозных и нерелигиозных.

Однако рецензируемое исследование, несомненно ценное и нужное, содержит некоторые положения, с которыми нельзя согласиться. Так, показывая отражение общественного строя в бурятских улигерах, Уланов пытается выделить особенности, характерные для матриархата и патриархата и периода борьбы между этими двумя этапами родового общества, когда, по его мнению, возник бурятский героический эпос. Автор считает, что эпос у бурят возник при разложении матриархата и переходе к патриархату, в доскотоводческий период, который надо отнести к I — началу II тысячелетия н. э. (стр. 3, 15, 139). На наш взгляд, данное утверждение не соответствует действительности. Советские ученые (А. П. Окладников, С. В. Киселев, Г. П. Сосновский и др.) давно установили, что в Южной Сибири и в Прибайкалье, задолго до нашей эры сложилась довольно высокая культура. «Племена Прибайкалья — пишет А. П. Окладников, — во втором тысячелетии до н. э. или, во всяком случае, во второй половине этого тысячелетия уже достаточно далеко ушли от древних матриархально-родовых отношений и от первобытного равенства сородичей. У них возникли новые отношения, основанные на неравенстве: старая парная семья сменилась патриархальной, материнское право — отцовским»¹.

¹ А. П. Окладников, *Неолит и бронзовый век Прибайкалья*, ч. 3, М.—Л., 1955, стр. 261.